

В.А. Сулимов

Личность эпохи переходности: преодолевая границы

УДК 80 (1-6)

Социальная переходность включает сложные когнитивные механизмы сознания. В поисках смысла личность становится на грань или в зону Разрыва. Преодоление негативных последствий этого возможно при помощи новых интеллектуальных парадигм и интеллектуальных практик.

Ключевые слова: переходность, парадигмы знания, интеллектуальные практики.

V.A. Sulimov

Identity of an era of transitivity: overcoming borders

Social transition involves complex cognitive mechanisms of consciousness. In search for the meaning the individual stands on the edge or in the zone of discontinuity. Overcoming the negative consequences of this is possible with new intellectual paradigms and intellectual practices.

Ключевые слова: transitivity, the paradigm of knowledge, intellectual practice.

Состояние переходности, объявленное в русской современности новым витком «модернизации», является на самом деле результатом глубокого когнитивного кризиса, охватившего не только все сферы научного знания, но и сознание организаторов научно-образовательной деятельности, политиков и предпринимателей. В основе его лежит явленный в начале XX и усиленный в начале XXI в. «эпистемологический разрыв» (Г. Башляр), который обычно образуется «вследствие некритического отношения научного разума к своим основаниям и непонимания ограниченности эпистемологического профиля собственной научной культуры» [4]. Прекращение привычной научно-образовательной практики, воспринимаемое как личная

катастрофа, не дает возможности социальному субъекту трансформировать познавательные структуры индивидуального сознания, переацелив их на другие объекты – объекты, существующие в рамках иной картины мира. Подвергшаяся обязательной деконструкции (в силу перехода к измененной, нуждающейся в серьезном осмыслении культурной эпохе) и потому парцеллированная (разорванная, пунктирная) научная мысль попросту «зависает» в пространстве когнитивного nihil, создавая социально-культурные и социально-экономические неудобства для социальных субъектов и серьезные препятствия для политической власти. Модернизация упирается в непреодолимое препятствие социального непонимания, не останавливающего переходность как неизбежный социально-культурный процесс, а задающего ему новые, часто деструктивные черты. Образуется социальная рекурсия, обозначающая себя в особом ретро-зрении, выхватывающем из прошлого ничего не означающие, формальные детали и приписывающее этим деталям фантомную роль социально-культурных детерминативов. Это непонимание смысла перемен, избыточные и неоправданные временные рекурсии сознания (иногда на историческую глубину до 500 и более лет) являются не только проявлением кризисности момента, но и результатом глубоких изменений, происходящих в механизмах самоидентификации индивидуума (когнитивных, психологических, социально-культурных, социально-экономических, геополитических и др.). Характерно, что эти изменения происходят комплексно и симультанно, определяя успех или неуспех общей процедуры инкультурации / социализации человека.

Процесс культурной самоидентификации, свойственный человеческому способу существования в природе и обществе, претерпевает в современную эпоху существенные изменения, и, прежде всего, этот процесс становится двухуровневым, обязательно включающим в себя не только инкультурацию (становление индивидуума в новом качестве – субъекта национальной культуры), но и межкультурный диалог (вхождение в мир глобальной культуры, определение места и истоков своей или присвоенной картины мира)¹. При этом соединение индивидуального, национального и глобального в одной картине мира

---

¹ Процедура вхождения действующего индивидуума в глобальное пространство культуры происходит даже в случае вооруженной борьбы с «имперским глобализмом», представленным (в данном прискорбном случае) в виде высокоточных снарядов и беспилотных бомбардировщиков.

становится обязательной основой формирования «человека-в-культуре», этого универсального субъекта и актора культурного поля современности. На первый план выдвигается трансграничное взаимодействие, с одной стороны, обеспечивающее существование человека новыми смыслами, с другой стороны, позволяющее развивать, совершенствовать механизм самоидентификации: «Каждый человек не только обладает самоидентичностью. Он может развивать эту самоидентичность, меняясь в существенных отношениях. Особенно остро эта проблема стоит сегодня. Развитие идентичности возможно только на основе постоянной коммуникации с другими позициями, возможностью понять эти другие позиции» [6, с. 32]. Подвижность идентификационного контура «человека-в-культуре», перемены, наступающие под усиленным информационным воздействием даже в его *идентификационном ядре*, воспринимаются традиционным сознанием массового типа как нестабильность, социальная неустойчивость или даже – разрушение «основ». Когнитивная ситуация как поле идентификационных трансформаций путается авторами с социальной и даже политической платформой социального бытия, в результате чего возникают культурные теории и практики «охранительного типа».

Глобальное отражается в локальном и индивидуальном. Мир предстает в виде переменчивой визуализированной мультиплексной когнитивной картинки, где из общего потока когнитивно важной информации высвечены отдельные повторяющиеся, но зачастую несущественные детали¹.

Интересны и когнитивные механизмы, обеспечивающие новые потребности сознания в *информационной диалогичности*. Особую роль в этом смысле играет процесс трансполяции значений, под которым мы понимаем процедуру переноса значения с одного знака на другой, осуществляемого в виде ситуативного (оказионального), абдуктивного или инсайтного тропа. Этот новый тип тропов обладает несомненным целевым характером и логикозамещающей природой. Источник такого типа тропов надо искать в логико-семантических процессах падения тождества, показанных в работах Т. Куна и И. Лакатоса и свойственных эпохе новой рациональности – постнеклассической. Троп как постоянно ситуативно сопоставляющий (а не само-

---

¹ Эта когнитивная ситуация «случайного набора признаков» напоминает медицинскую ситуацию множественности повторяющихся сходных симптомов, не несущих для врача никакой позитивной информации без системного специального обследования.

тождественный) акт предикации смысла самовольно врывается в любую парадигму знания, разрывая его границы. Теоретически этот процесс общей метафоризации предикатов можно определить как процесс замещения универсалий тропами: «Так, для каждой инстанцированной универсалии может быть постулирован класс соответствующих тропов как заместитель. Соответствие достигается другим путем. Универсалия может быть постулирована как заместитель каждого класса совершенно сходных тропов» [1, с. 188]. Граница между «точным» и «ассоциативным» оказывается не просто проходимой, а обязательно проходимой на пути формирования смысла. Языки культуры объединяются в пространстве интеллектуального, создавая некоторые конгломераты смыслопорождающих основ знания, где господствует универсальный смыслопорождающий ментальный объект «*verbum sensorum*», сформировавшийся на основе успешных дискурсивных и текстовых практик индивидуума. Эти практики осмысляются индивидуумом как маршруты трансграничных переходов, обоснованных задачами постмодернистской деконструкции и не противоречащих принципам постнеклассической рациональности, а реализующих ее. При этом работу с информационными потоками осуществляют различные когнитивные операции, учитывающие при своем планировании принципы деконструкции: ситуативный (случайный, эмоциональный) выбор, неоправданное выделение детали, несоразмерное членение объекта, спонтанная актуализация и др.). Они служат для деконструктивного описания несуществующего или сверхвиртуального (что с обыденной точки зрения, конечно, одно и то же).

Для целей порождения смысла имеет значение только одна когнитивная операция – операция преодоления границ. По сути дела, это наиболее строгая из всех деконструктивных операций¹. Преодолевая границу, индивидуальное сознание самоутверждается в попытках осознания мира в единственно доступной – образно-ассоциативной форме, а затем – реализует свой потенциал в поиске релевантных способов выражения (в частности – в т.н. «строгой» математической форме). Полученные в результате «перевода» на один или несколько языков культуры высказывания очерчивают горизонт смыслов – то, что будет усвоено другими в качестве *нового знания* в некотором

---

¹ Операция преодоления границ обладает целевой логикой проникновения и подчиняется ее правилам.

ближайшем или отдаленном будущем. Таким образом, образовательный процесс может быть прочитан как процедура овладения выявленными смыслами и, одновременно как подготовка индивидуума к самостоятельному трансграничному переходу, своего рода – подбор ключей для этого¹.

Осознание феномена смысла как попытки преодоления границы, семиотического разрыва монотонной и потому не продуктивной непрерывности уже хорошо философски освоено: «Смысл ищет самосмысления и не может найти его в себестождественности. Со(знание), чтобы избежать замкнутого круга самоотрицания, расключает скобки и устремляется к собственным потенциям. Практически этот процесс переживается на каких угодно парадигмах» [8, с. 124]. Становится очевидной и вся картина современного смыслопорождения: «*verbum sensorum*», обязательно реализуя себя в метафорах (тропах), приводит к разрыву самодостаточной бессмысленности проживания повседневности и, затем, к экзистенциальному переживанию нового взгляда, детали, общей картины мира – фактически другой реальности. (О) смысляя эту новую реальность, сознание совершает свое трансформационное развитие *здесь и сейчас*, прекращая тождество как форму существования мира.

Тождество – есть интеллектуальная смерть, (не) видение очевидного, (не) понимание само собой разумеющегося, (не) ощущение сущего. Самотождественность, самодостаточность, отказ от выхода за границы обыденного есть социальный акт прекращения понимания мира с последующим обязательным «выпадением» за пределы освоенного и заученного под воздействием убаыстряющегося изменения реальности. Новое, возникающее «ниоткуда», определяет главный вектор социального движения, вводя в ступор самотождественные формы социального. Наступает неразрешимый когнитивный парадокс, в ряде случаев – культурный шок, влекущий за собой распад социальных скреп общества и оснований индивидуального существования². Причем тождественная омертвленность сознания под воздейст-

---

¹ Сведение процесса образования к овладению набором «стандартов знания», а не интеллектуальных практик выявления смыслов, осуществляемое в современной России, является толчком к разрушению высшего образования как когнитивной системы.

² Разрушительность тождества как ментального состояния очень хорошо просматривается в исторических эпизодах: шокового состояния элиты Империи ацтеков после прибытия «ниоткуда» небольшой экспедиции Кортеса, беспомощность русской бюрократической и политической элиты перед возникшим «ниоткуда» большевизмом в России

вием нового интеллектуального тренда только увеличивается, делая проблемным само существование индивидуума. Видимо, надо признать, что именно так, по степени и интеллектуальной обоснованности трансграничных переходов, разрушающих смысловую самоидентичность, на протяжении длительного исторического времени происходит естественный когнитивный отбор, обеспечивающий ускорение социально-культурного развития.

Однако отказ от тождества в пользу информационной открытости, не обремененной внутренне обоснованными критериями отбора, оказывается неудовлетворительным ввиду обвального характера накатывающего на индивидуальное сознание общего информационного потока. Этот поток, содержащий не только единицы знания (когнитивные единицы), но и единицы мнения (идеологические единицы), ложные информационные единицы (информационные симулякры), увеличивает разрыв, делая трансграничные переходы пролонгированной партикулярией, не приводящей к смыслу.

Разрыв самоидентичности, происходящий в результате «несварения» человеческим сознанием большой массы новой (или=символически обновленной) информации, требующей нового кода, новых интеллектуальных и дискурсивных практик, радикализуется во множестве образов шокированного сознания, главными из которых являются Эрос и Танатос. Актуальные во все эпохи развития культуры Эрос и Танатос виртуализируются и визуализируются в тысячах кино- и видеолент, компьютерных игр, литературных проектов и приобретают сегодня глобальные черты нового Социального Тождества, способного, как кажется, компенсировать системный разрыв самоидентичности, придать внутреннюю динамику личности, страдающей от не нахождения себя-в-себе и себя-в-мире. Одним из устойчивых ассоциативных образований современности становится иллюзия человека как сверх-креативного творца, создающего новые научно-технологические миры.

Эти вновь рождающиеся иллюзии креативной социально активной личности, способной успешно отвечать на «вызовы времени», хорошо представлены в фантасмагорических эро-танатрических кино- и телетекстах, литературных произведениях активного действия,

---

1917 года, затянувшийся культурный шок отечественного истеблишмента при встрече с явившимся «ниоткуда» социальным движением интеллектуалов в 2011–2012 гг.

произведениях «позитивной» публицистики (в основном политического и рекламного типа). Однако, несмотря на виртуализацию и «радикализацию» фантастической обертки повседневности, проблема разрыва не только не решается, а становится глубже и «реальнее». Истинная травма, травма информационного типа, имеющая следствием падение понимающей силы сознания, подменяется «накачкой» эро-танатрических бредовых состояний: «Мнимая радикализация на самом деле представляет собой философское одомашнивание: разрыв, который подрывает существование универсума, как если это была бы его онтологическая ошибка, трансформируется в один из двух позитивных космических принципов, восстанавливая тем самым умиротворяющее гармоническое видение универсума как поля битвы двух противоположных принципов» [3, с. 126].

Одним из наиболее ярко проявившихся на протяжении почти всей осмысленной истории человечества явлений, причем присвоившего себе роль важной социальной институции, была игра. Игровые начала (уяснение правил, поиск решений, преодоление препятствий, устранение ошибок, поддержание высокого темпа и предвосхищение результата) оказывались существенной частью любой интеллектуальной практики. Возрастание разрывности, устранение миметического и/или нарративного основания интеллектуального действия, целевая абдуктивность и смысловой инсайт (как и «чтение внутрь» субъективного пространства индивидуального сознания), хорошо наблюдаемое еще в искусстве авангарда начала XX в., стало «схлопывать» пространство игры до первоначального жеста, до абсолютного дейксиса, означающего в семиотическом смысле конец иконичности: «Супрематизм живописи, как настаивал сам Малевич и его единомышленники, был «переходом через ноль» – «ноль предметности». Мертвая статика черного квадрата совершала казнь иконичности» [2, с. 451]. По завершении первого десятилетия XXI в. слом игрового пространства и превращение его в абсолютный дейксис были ярко манифестированы артгруппой «Война» в акциях «Восставший пенис» и «Сожжение автозака». Лаконичность этого действия делает его более когнитивно точным и художественно убедительным, чем молитва «Богородица, Путина прогони» группы Пусси Райот. Детали разрушающегося мира становятся фактами его интеллектуального пространства.

Почти единственная возможность уйти от обваливающихся на индивидуальное сознание деталей разрываемого неумолимым Временем Перемен мира-универсума заключается в возвращении в мир-покой, внутриутробный мир до рождения, до исходной травмы встречи с Иным. Этот мир притягивает индивидуума, как хорошо известно из теории и практики психоанализа, в течение всей его жизни: «Чувство одиночества, которое человек испытывает даже рядом с друзьями, даже в любовном наслаждении, происходит от невозможности встречи с «внутренностью», начиная с того внутреннего, что скрыто в интимном мире. Это невозможность восстановления гармонии с содержащим, то есть с материнской утробой. Это невозможность обратного внедрения содержимого в содержащее» [5, с. 97].

Более того, мир прошлого внутриутробного опыта – «опыта До» – превращает в движение по замкнутому кругу такую, казалось бы, эффективную коммуникативную практику (практику понимания Иного) как Любовь. Непосредственность чувства вредит процессу проникновения в себя и через себя – в состояние Иного, погружая человеческое сознание в пучину тавтологических дискурсивных практик. Само движение по замкнутому кругу сосредоточенного чувства может пониматься как безумие, однако не всегда безумие нон-продуктивно. «Безумие чтения», решительно выходящее за пределы замкнутого круга прошлого внутриутробного опыта, оказывается одной из наиболее продуктивных понимающих практик: «Безумие замкнутого круга» – это безумие любви, когда человек считает возможным прямой доступ одного в средоточие тела другого. Этот доступ однажды уже свершился при зачатии. Существует способ общения куда более быстрый, нежели через посредство слова. Это безумие чтения. Чтение – это возможное воссоединение с внутренним» [5, с. 98].

Не случайно именно от чтения как универсальной «понимающей» интеллектуальной практики происходят, в той или иной степени, все попытки преодоления эро-танатрического «беспредела» повседневного переживания разрыва. Поиск «истины» в себе, размышления о своей сущности, лишённые информационно-аксиологической поддержки акта Чтения (погружения в интеллектуальное пространство культуры), возбуждают ассоциативно-образный мир без интеллектуально осмысленных форм его существования: совершается безумие как таковое. Доминирует фэнтези абсолютного разрушения, деструк-

ции социальных форм и связей. При этом обращение ко все более глубинным, онтологически насыщенным персонажам эротанатрического типа не способно создать условия для прекращения переходности: уменьшения разрыва и приращения смыслов¹. Превращение восприятия реальности в образное конструирование реальности (в очень большой степени сходное со Средневековым, но лишенное мистического смысла), привнесение в повседневные практики коммуникации неустойчивого эмоционально-образного элемента объясняется исследователями в виде постмодернистского социально-культурного пейзажа, относимого не к реальности, а к гиперреальности: «Переживание реальности как образа многие постмодернисты именуют гиперреальностью. Мы живем в мире образов, представляющих более реальными, чем окружающий нас естественный мир. Птицы, показанные по цифровому телевидению, имеют более интенсивную окраску, более четко очерченные детали, чем в лесу» [9, с. 94]. Восприятие гиперреальности, связанное с постоянным удвоением мира, с виртуализацией реальности как всегда уже отраженного, уже имеющего аналоги в сознании, приводит социального субъекта к состоянию когнитивной растерянности, следствием которой является утрата практических и аксиологических опор, метафорического осмысления мира как зыбкого пространства ирреального, места бытия когнитивных теней, неустойчивых иррациональных множеств и пространственно-временных вихрей, выносящих человека за неоощаемые пределы. Причем эти пределы имеют свойство обращения на самое себя, поэтому современный человек, в отличие от Алисы Льюиса Керрола, не может их определить в виде некоторого Иного – например, Зазеркалья. Это совершенно так же, как если бы водитель, выехав на трассу, впал в когнитивный ступор, обнаружив, что движение в любом направлении является симметричным движению в любом другом направлении. А время в пути зависит не от реального достижения цели и скорости движения, а от самого решения субъекта о достижении цели, от своего рода Целеощущения².

---

¹ То, что «вытворяет» сейчас усиленная пиаром идеологическая верхушка РПЦ, может легко быть воспринято верующими как сущее светопреставление, потому что никаких опор для «разруливания» социально-культурных парадоксов и противоречий разрывного типа здесь не предлагается.

² Одно из наиболее реальных объяснений такого «крутого» расхождения между оценками одних и тех же статистических данных бюрократами и экспертами заключается не

Ситуация когнитивной растерянности, которая в своем апогее может легко приводить не только к депрессивным состояниям индивидуума, но и к социальным потрясениям, может быть изменена, как кажется, следующими способами:

1. Привнесением и *интериоризацией целостных смысловых парадигм*, признаваемых когнитивно успешными.
2. Освоением *интеллектуальных практик*, способных не только деконструировать монолитный информационный поток, но и обеспечить успешное решение сложных интеллектуальных задач.
3. Совершенствованием *герменевтических процедур чтения*, создающих условия для формирования понимающего типа сознания.

Рассмотрим некоторые детали реализации указанных способов преодоления когнитивной растерянности, свойственной эпохе.

Технократическое объяснение трансформации мира при помощи схематизированных модельных построений неудовлетворительно с точки зрения смысловых парадигм дискурсивного типа, обязательно содержащих метафорические и/или парадоксальные высказывания. Объяснение трансформации мира (парадокса изменения) через парадокс описания привносит новую логику – логику преодоления границ или логику смысла, позволяющую ставить вопрос об истинности вывода. Такая истинность условна, но она – единственно возможный вариант объяснения процессуальных явлений, **включающих в себя сознание как основной компонент**. Другими словами, сознание «не берется» через прямое размышление или схематическое определение. Оно обладает внутренней дискурсивностью и может быть «взято» только дважды, причем всякий раз – уже за границей дискурса. Эта трансграничность смысла и есть акт сознания в процессе, сознания, не «вставленного в схему», а находящегося в движении. В свою очередь движение (сознания) есть контекст, есть предварительное условие смысла, есть пред-о-смысление сущего. Отсюда возникает необходимость встраивания мысли в парадигму. Конечно, само по себе это школярское занятие не обладает когнитивной ценностью, но является единственным инструментом, удобным для выстраивания успешных интеллектуальных практик. Выбор парадигмы, внедрение в смыслы которой ведет индивидуальное сознание к обнаружению и интериори-

---

в «умысле» бюрократов, а в различии Целеощущения между разными социально-культурными группировками.

зации набора интеллектуальных практик, к построению своего арсенала практик – вопрос «жизни и смерти» интеллекта. Создание информационных (и=организационных) условий для внедрения индивидуального сознания в успешную, результативную парадигму является базой для успешной интеллектуальной деятельности¹. Подвижность трансграничного смысла, сталкиваясь в ходе дискурсивной (текстовой) деятельности с «неэффективной» интеллектуальной практикой, отражающей дефектную картину мира в духе усвоенной неверной максимы (предельного высказывания), приводит к когнитивному провалу – отсутствию вывода. Цепочка высказываний без вывода – явление, с которым приходится сталкиваться достаточно часто, – есть проявление эффекта ошибочного выбора парадигмы (или ее неверного осмысления)². Интраграничное мышление, мышление в рамках закрытых систем порождает пространство ошибочности всякого суждения, ситуацию падения смыслов, превращения их в систему мертвых определений («инструкцию по эксплуатации»).

Трансграничность смысла, являющаяся исторически сложившимся свойством (и= привилегией) европейской цивилизации, является результатом изначальной креативности европейской культуры, позволяющей выйти за пределы обычного, повседневного, по сути, за пределы замкнутой системности: «Творчество понимается как разрушение границ, неважно – с природой или обществом (в этом смысле как экстаз), и потому трансцендентное – а значит, и «свобода-для» (качественная бесконечность) – все время оказывается за пределами границы» [7, с. 47]. Экстазирующая сила креативности, возникающая как эффект преодоления границы (например, границы повседневной компетентности), не есть когнитивный «беспредел», основанный на интеллектуальном нигилизме. В основе трансграничной креативности лежит набор интеллектуальных практик, главными из которых являются известные еще с античных времен конструирование и воспроизведение [7, с. 49–50]. Воспроизведение как осмысленный мимесис вводит тематический план высказывания, а конструирование – рема-

---

¹ Яркий тому пример – создание крупного Центра семиотических исследований при Шанхайском университете (Китай), работающего в общей парадигме Чикагской (США) и Тартуско-Московской (СССР) семиотических школ и проводящих крупные Международные симпозиумы по семиотике на русском и английском языках.

² Такой когнитивный срыв имеет, как правило, драматические последствия, наступающие в том числе – в виде индивидуальных и социальных катастроф.

тический план высказывания, создавая когнитивную платформу для описания нового фрагмента картины мира (того, чего еще не было в реальности или не было отмечено в реальности). Все другие интеллектуальные практики (систематизация, схематизация, моделирование, планирование и др.) без потери общего смысла высказывания выводятся из двух указанных выше.

Вместе с тем конструирование и воспроизведение, представленные как базовые интеллектуальные практики, не могут быть «подвешены» в когнитивном вакууме, в пространстве отсутствующих смыслов. Для них должна существовать серьезная когнитивная платформа либо в виде трансцендентального «эйдоса», обладающего абсолютной априорностью, либо «конкретного» информационного набора, подлежащего интеллектуальному мимесису. Выделение и погружение (замедление), конструирование и воспроизведение – эти интеллектуальные практики пространства современной культуры не только не исчерпывают список возможных способов инсталляции смысла, но и ничего не говорят об основной цели интеллектуальной деятельности – поиска истины. Разрывность реальности, не выдерживающей информационно-ассоциативного (а значит – и виртуального) напряжения, провоцирует отказ от определения истины как «реального положения вещей», вообще от «вещного» понимания истины. С. Жижек определяет положение истины за разрывом и даже внутри разрыва в виде искажения картины «реального», «ряби» на искажающем зеркале сознания, которую мы наблюдаем как простое нарушение хода привычной игры в ассоциации: «...все существующее – это не просто игра видимостей, есть некое Реальное – однако это Реальное не Вещь, которой нельзя достичь, а РАЗРЫВ, который лежит на нашем пути к ней, «скала» антагонизма, которая искажает наше видение воспринимаемого объекта, создавая частную, пристрастную перспективу» [3, с. 140].

Интересно, что разрывность истины напоминает о диалогичности смысла, показанной М.М. Бахтиным. Эта сущностная двойственность обязательно приводит в своем логическом завершении к необходимости герменевтической практики, осмысленной как единственная практика понимания. Понимание разрывно-диалогичного пространства современной культуры обязательно является герменевтическим, применяющим для себя-понимания гипертекстовые ссылки и фило-

софско-культурологические аллюзии, из которых, по-видимому, и соткан бесконечный мир человеческой культуры.

---

1. Армстронг Д. Универсалии. Самоуверенное введение / пер. с англ., введение и комментарии С. С. Неретиной. М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2011. 240 с.
2. Бернштейн Борис. Визуальный образ и мир искусства: Исторические очерки. СПб.: ИД «Петрополис», 2006. 566 с.
3. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М.: Издательство «Европа», 2009. 336 с.
4. Зотов А. Ф. Эпистемологический разрыв // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон +» РОИИ «Реабилитация», 2009. С. 116.
5. Киньяр Патрик. Ладья Харона. М.: Астрель, 2012. 238 с.
6. Лекторский В. А. Как возможен диалог цивилизаций // Человек в интеллектуальном и духовном пространствах: сб. статей / отв. ред. М. С. Киселева. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С.21–37
7. Румянцев О. К. Культурный смысл европоцентризма // Человек в интеллектуальном и духовном пространствах: сб. статей / отв. ред. М. С. Киселева. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 37–58.
8. Свасьян К. Феноменологическое познание. Пропедевтика и критика. 2-е изд. М.: Академический проект; Альма Матер, 2010. 206 с.
9. Харт К. Постмодернизм. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 272 с.